

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Макарычева Александра Сергеевича

«Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: демократия и реакция на периферии Германии», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 (5.6.2) – Всеобщая история.

Исследование А.С. Макарычева посвящено сложному комплексу вопросов истории региона, судьба которого за истекшее столетие радикально менялась несколько раз. Продолжающаяся трансформация Восточной Европы, эффект от большого количества до сих пор не переосмысленных травм в национальной исторической памяти и в становлении современной этнополитической картины макрорегиона осложняет обращение к не менее насущным, но далеко не конъюнктурным темам, связанным со становлением ряда направлений в отечественной историографии и ликвидацией очевидных лакун в них. Позитивный эффект от волны юбилеев событий 1914-1918 гг. оказался не столь комплексным, как хотелось надеяться, а потому важно продолжить работу по исследованию Великой войны и ее революционных последствий, особенно для стран Центральной и Восточной Европы. Диссертация А.С. Макарычева о Ноябрьской революции на территории провинции Восточная Пруссия стала одним из шагов в этом направлении, предпринятым на уникальной для российской германистики краеведческой основе.

Автор сразу же справедливо отмечает не только слабую изученность избранной темы – регионального аспекта Ноябрьской революции в Восточной Пруссии, но и сложившуюся в историографии специфическую ситуацию, препятствовавшую развитию необходимых исследований. Формулировка базовых параметров исследования, включая хронологические рамки, с учетом фокусировки на Ноябрьской революции как процесса

перехода от Кайзеррейха к Веймарской республике возражений не вызывает. Весьма скромно выглядит раздел о теории и методологии исследования. Ввод в оборот новых архивных источников, в том числе из германских архивов, является необходимым и достаточным условием обеспечения научной новизны работы. В обзоре литературы автор не вдается в длительную полемику по спорным вопросам периодизации революционных событий в 1918-19 гг., которая возобновилась в германской историографии в связи с недавним 100-летним юбилеем. Структура диссертации вполне приемлема, хотя некоторые вопросы вызывает баланс между отдельными главами, ведь первая глава, освещающая события за пределами основных хронологических рамок, по объему превосходит главу третью, касающуюся важнейших тем в исследовании и освещающую события 1919 г.

В первой главе диссертации оправданно уделено много внимания специфическим на фоне прочей территории Кайзеррейха масштабным последствиям военных действий и частичной оккупации Восточной Пруссии в 1914 – начале 1915 гг. Это действительно возымело огромные последствия, трансформировав провинцию не только в материальной, но и в психологической сфере, а также приведя к резким переменам в уровне и характере ее взаимосвязи с основной территорией Германской империи. Не менее важным для социально-экономического развития региона было и длительное функционирование разветвленной оккупационной администрации на сопредельных территориях Варшавского генерал-губернаторства и на «земле Обер Ост».

Вторая и наиболее крупная глава диссертации носит зачастую описательный характер, в том числе благодаря активно привлекаемым архивным источникам и публицистике. Большое внимание автор уделяет становлению германских Советов, задаваясь вопросами о взаимосвязи революций в России и Германии, на которые едва ли возможно ответить на региональном материале. А.С. Макарычев затрагивает широкий спектр проблем, вставших перед новыми импровизированными органами власти

коммунального и окружного уровня, раскрывая ряд показательных инцидентов на основе архивов прусских инстанций различного уровня. Не менее интересны, хотя и порой сильно политизированы рассуждения автора о региональных особенностях трансформации партийной системы Германии и электоральных процессах, обретавших в Восточной Пруссии в январе 1919 г. особую динамику.

Третья глава уже названием задает тон в освещении финального этапа становления Веймарской республики и содержит ряд вступительных замечаний весьма традиционного для советской историографии характера. Ссылки на внешнеполитический фон событий (с. 124) носят явно второстепенный характер, что отражается на точности формулировок. Так, следовало бы иметь в виду, что концепция *Randstaaten* развивалась именно по германской инициативе, да и первые шаги к становлению польской и литовской государственности были сделаны под организационным воздействием германских оккупационных властей, а потому поддержка Антантой новых государств сочеталась со сложным характером связей между национальными элитами и германскими эмиссарами, особенно в оккупированной по меньшей мере до середины июля 1919 г. Литве. Концентрация автора исключительно на революционных событиях в регионе сопровождается слабым вниманием к острейшей динамике кануна Версальского мира и недостаточным освещением Восточной Пруссии как главного канала поддержки германских войск и фрайкоров в Литве, Курляндии и Лифляндии, хотя именно это – а вовсе не борьба с кёнигсбергскими спартакистами – привело к длительному пребыванию в провинции А. Виннига, до 1918 г. не имевшего к ней никакого отношения. Автор полагает, что внешнеполитические вопросы стали выходить для Виннига на первый план лишь «со временем» (стр. 140), однако деятельность Виннига в октябре 1918 г. – январе 1919 г., его участие в появлении независимых Эстонии и Латвии убеждают в обратном. Внимание автора к формированию различных парамилитаристских группировок можно лишь

приветствовать, а введенные им в оборот материалы заслуживают внимания не только отечественной, но и современной германской историографии, приоритеты которой – особенно по сравнению с, например, польской – оставляют желать много лучшего в темпах исследованиях послевоенного/революционного насилия в 1918-1921 гг. Именно поэтому автору было бы крайне сложно провести сравнение провинциальной и общегерманской картины именно в этом аспекте трансформации Кайзеррейха в Веймарскую республику.

Заключение содержит основные выводы по проведенным исследованиям и носит несколько лапидарный характер. Заявленные тезисы отражают результаты исследования, хотя и не всегда выявляют региональную специфику. Так, «единого фронта левых сил накануне революции» не образовалось не только в Восточной Пруссии (стр. 155), но и вообще нигде в Германии, тем более, что большевистским руководством и его эмиссарами (А.А. Иоффе, а затем К.Б. Радеком) перед германскими ультралевыми ставилась едва ли не противоположная задача. Паритетное комплектование Советов представителями СДПГ и НСДПГ также общегерманское явление, так что хотелось бы более четкого вывода об особенностях хода Ноябрьской революции в Восточной Пруссии, как это смог показать автор относительно периода января-марта 1919 г. Несколько не ясен оказывается финал рассматриваемых процессов, а именно неожиданно быстрая стабилизация обстановки в Восточной Пруссии после середины июля 1919 г., хотя общая атмосфера после подписанного Версальского мира и в преддверии плебисцитов на значительной части территории провинции этому никак не способствовала.

Недостатки диссертационной работы носят порой существенный характер и нуждаются в проработке при дальнейшем исследовании данной проблематики. Многие из отмеченных ниже минусов вызваны, по-видимому, не только тем, что диссертация А.С. Макарычева закладывает основу для последующей историографии истории Восточной Пруссии в 1918-1919 гг., а

потому важный этап апробации основных результатов пока лишь предстоит (что видно и по скромному списку публикаций), но узкими – для совокупности поднимаемых вопросов и при крайней сложности событийной и процессуальной картины – рамками кандидатской диссертации, крайне жестко вписанными в рекомендуемый объем (155 страниц).

Верно отмечая историографические пробелы, в особенности отечественной традиции, автор не смог их существенно компенсировать за счет германской историографии и вовсе не обращался к польской, хотя таковая существует, а большая часть рассматриваемой им провинции ныне является территорией Польши. Специфика подбора литературы сказывается не только на тематических приоритетах в изложении, но и на общей его тональности и терминологии, так что отдельные пассажи были бы уместны в работах 1970-1980-х гг., а работа зачастую едва ли может быть охарактеризована как *постсоветская*. В тексте диссертации не раз встречаются вполне публицистические и безапелляционные оценки, которые доводят до фактических ошибок. Так, оценка событий 3-4 марта 1919 г. – предпринятых после аналогичных действий ультралевых – как «реакционного переворота» (с. 132) едва ли оправданна с формальной точки зрения, ведь свержения легитимных органов власти в Кёнигсберге не последовало. При этом действия военизированных группировок Народной морской дивизии как попытка путча и узурпации не расцениваются. Осуждая попытки «обелить (! – Л.Л.) деятельность Виннига» диссертант заявляет, что рейхсвер был «инструментом власти старого государства» (стр. 33), что неверно даже с юридической точки зрения, ведь закон о временном рейхсвере был принят 6 марта 1919 г., т.е. даже на пару дней позже, чем описываемых событий в Кёнигсберге, окончившихся разоружением военизированных сторонников ультралевых. В дальнейшем откровенные неточности преследуют автора при пользовании военной терминологией, ведь небрежное отношение к ним он также позаимствовал у советской историографии. Так, совершенно некорректно название «Восточная армия»

(взятое из листовок и их переводов) применительно к Главнокомандованию на Востоке (Обер Ост), которому подчинялись группа армий «Киев», 8-я и 10-я армии, а также ряд иных отдельных соединений, то есть Обер Ост ни в коей мере не являлся соединением армейского уровня, вплоть до его расформирования в Кёнигсберге в начале января 1919 г. Едва ли уместны выражения вроде «так называемой Северной армии» (стр. 126), сомнительные нововведения вроде «генерал фон Зект» (ведь есть сложившаяся традиция, а точность в фонетике потребовала бы варианта «фон Зеект»), «Либау» (стр. 126), «Шаулен» (стр. 130), «Динабург» (давно переименованный в Двинск) и т.д. Подобные изъятия в освещении военно-политических событий вызваны недостаточным использованием военно-исторической литературы и мемуаристики, а также биографий деятелей, определявших судьбы Восточной Пруссии зимой-весной 1919 г. Например, двухтомная биография Г. фон Секта на основе его неоконченных мемуаров и семейного архива в списке литературы отсутствует. Еще более удивляет слабое знакомство с публицистикой и биографическими очерками об А. фон Батоцки-Фрибе, игравшем – наряду с А. Виннигом – центральную роль в событиях в Восточной Пруссии на протяжении большей части рассматриваемого в диссертации периода.

Далеко не оптимальным выглядит список использованной автором и немецкоязычной литературы, хотя только с помощью нее возможно было бы корректно определить специфику восточнопруссских революционных событий на фоне общегерманских процессов. Устранить острую нехватку новейших германских работ – не вдаваясь в длинное перечисление не использованных базовых трудов, в том числе уже изданных и на русском языке – было бы сравнительно легко, например, в ходе работы в библиотеке Германского исторического института в Москве. Куда более простительно отсутствие в работе материалов германского Военного архива во Фрайбурге, работу в котором (в том числе дистанционную) можно лишь рекомендовать при продолжении исследований по данной теме. Привлечение автором

публицистики и даже художественной литературы можно было бы приветствовать, однако и в данном случае сразу же заметно отсутствие целого ряда произведений, которые следовало бы учесть при описании ситуации в Восточной Пруссии в годы Великой войны и в межвоенный период.

Важнейшим не только содержательным, но и концептуальным недостатком представленной картины событий в Восточной Пруссии является ее подчеркнуто «революционноцентричный» характер, так что оказывается уделено явно недостаточное внимание процессам, действительно важным для базовых акторов событий и для динамики расстановки сил в регионе, а именно вопросы военных событий в финале Великой войны и ее «афтершоков» в Восточной Европе. Связанные с продолжавшимися боевыми действиями между различными этнополитическими группировками и новыми государствами процессы эвакуации германских войск с оккупированных территорий, их переформирования, в том числе в парамилитаризованные группировки, а также демобилизации определяли логику событий и результаты революционных эксцессов в приграничной, а затем и в ожидавшей блокады от основной территории рейха Восточной Пруссии в куда большей степени, чем полагает автор диссертации. Именно поэтому не слишком убедительными выглядят ссылки на довольно обзорную статью Т. Балкелиса при наличии специальных работ по выводу германских войск с Востока, в том числе через Восточную Пруссию и вообще по истории трансформации кайзеровской армии в 100-тысячный рейхсвер. Показанные А.С. Макарычевым отдельные стороны формирования и действий восточнопруссских фольскверов (стр. 126-132) имеют куда более широкий военно-дипломатический контекст, особенно с учетом строившихся вокруг уклонения Германии от подписания Версальского мира комбинаций (на грани антиантантовского альянса с Советской Россией), едва не приведших к военному путчу и образованию сепаратистского Восточного государства во

главе с О. фон Беловым и на базе в том числе Восточной Пруссии, о чем автор не упоминает вовсе.

Германская историография, даже лишившись значительной части военных архивов, прилагает усилия к тому, чтобы выйти на новый уровень военной истории именно этой, столь значимой в истории мировых войн традиции (достаточно указать на новейшую работу по истории битвы при Танненберге 1914 г. Д. Циммерманна и труд Р. Лаковски о финальной стадии Второй мировой войны с обзором и предшествующих военных кампаний в регионе). Попытка диссертанта приписать политикам – например, А. Виннигу – образование Железной дивизии (стр. 23), - важнейшие военные решения продолжает традиции советской историографии, огульно нивелировавшей различия в «едином фронте антисоветских сил» и игнорировавшей сложнейшую ведомственную и внутриэлитную (а не только внутрипартийную) борьбу. Еще одной традицией, невольно позаимствованной автором у советских историков, является подчеркнутое внимание к борьбе рабочего класса, что при выраженном аграрном характере Восточной Пруссии выглядит неоправданно для анализа ситуации не в Кёнигсберге, а в провинции в целом. Этот набор транслируемых десятилетиями черт и акцентов выглядит тем более странно с учетом в целом верного анализа степени изученности избранной темы, в том числе с учетом специфики подхода к освещению истории Восточной Пруссии в СССР.

Многие из указанных выше замечаний носят одновременно рекомендательный характер с учетом перспективы дальнейшей научной работы диссертанта. Их наличие характеризует не столько качество квалификационной работы, заметное по тщательному установлению автором ряда событийных деталей, сколько условия ее подготовки, в том числе явного недостатка в координации усилий отечественных центров германистики и в обмене научной информацией с зарубежными коллегами. Общий краеведческий акцент работы, сказавшийся на ее приоритетах и на подборе литературы, должен рассматриваться как необходимая база для последующего выхода на более объемные исследования с выраженным компаративным элементом и менее политизированной тональностью.

Большинство из высказанных выше замечаний вызваны строгим соблюдением автором не только избранных тематических рамок, но и положенного кандидатской диссертации объема. Нет сомнений в том, что исследование продемонстрировало определенный потенциал к дальнейшей разработке темы с учетом результатов данного этапа апробации.

Главным достоинством представленной к защите диссертации является успешное решение исследовательских проблем на стыке нескольких уровней исторического анализа. Ключевые положения и выводы представленного к защите текста отражены в автореферате, а также в 4 публикациях, из которых 3 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Диссертационное исследование соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор А.С. Макарычев заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 (5.6.2) – Всеобщая история.

Ланник Леонтий Владимирович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
27.04.2022 г.

ФГБ УН «Институт всеобщей истории
Российской академии наук»
119334 Москва В-334, Ленинский проспект, дом 32а.
Тел (495) 9381344.
leo-lannik@yandex.ru